

Ли Шэнъань бесцельно колесил по улицам Шэньчжэня, не зная, куда себя деть. Лишь теперь его разум окончательно прояснился, и он в полной мере осознал случившееся: прошлым вечером его — взрослого мужчину! — опоили какой-то дрянью и грязно домогались. И сделал это другой мужчина.

О подобном он прежде не мог даже помыслить, не то что столкнуться наяву. Лу Чжаньбай оказался геем. Как такой видный, успешный мужчина может предпочитать мужчин? Ли Шэнъань никак не мог этого постичь. Конечно, в газетах и криминальных сводках изредка проскальзывали подобные темы, да и приятели порой отпускали сальные шуточки, но в реальной жизни сталкиваться с этим ему еще не приходилось.

Надо признать, в делах сердечных Шэнъань особой чуткостью не отличался. Из всех его немногочисленных романов лишь чувство к Юньи вспыхнуло мгновенно, с первого взгляда. В остальных случаях он осознавал привязанность с большим опозданием и шел на поводу у обстоятельств. Но уж если принимал отношения, то оберегал и ценил их до последнего. Однако союз двух мужчин... Как это вообще назвать? Неужели между ними возможна страсть? Настоящая любовь? Как они любят друг друга, как женятся? А дети?

— Черт! — выругался Ли Шэнъань, с силой хлопнув себя по тяжелой, словно налитой свинцом голове.

Надо же додуматься — забивать себе мозги этой чепухой!

— Извращенец проклятый!

Стоило в памяти всплыть вчерашним прикосновениям Лу Чжаньбая, как Шэнъань разразился новыми проклятиями, а он снова почувствовал тупую, ноющую боль.

Из раздумий его вывело требовательное урчание в желудке. Шэнъань спохватился: он же маковой росинки во рту не держал с самого вчерашнего дня. Взглянул на часы — стрелки подбирались к часу пополудни. Он полез в карман за мобильником, чтобы сначала набрать отцу, а потом в офис. Раз не пришел ночевать, старик, должно быть, с ума сходит от тревоги. Да и на работе его наверняка потеряли.

Но аппарат, разумеется, приказал долго жить. Шэнъань вспомнил, как безжалостно его поливали ледяной водой прошлой ночью, и в порыве глухого раздражения швырнул бесполезную пластиковую коробку на соседнее сиденье.

Припарковавшись возле торгового центра, он наскоро перекусил в придорожной забегаловке, заглянул в салон связи за новым телефоном и только тогда набрал домашний номер. Наплел отцу с три короба, чтобы оправдать свое отсутствие, и клятвенно пообещал, что вечером сам купит продукты и приготовит ужин. Следом он позвонил в офис. Трубку сняла Гун Ли и

затараторила, что дела пошли на лад: из компании «Динсинь» передали, что все в силе, и производство можно возобновлять. Поскольку дозвониться до шефа никто не смог, Ян Сяотянь взял инициативу на себя и уже запустил цех. Теперь все ждали только возвращения генерального.

Ли Шэнъань во весь опор помчался в офис. В цехах уже вовсю кипела работа. Ян Сяотянь лично контролировал процесс, требуя от мастеров строгого соблюдения технологических стандартов. Заметив Шэнъаня, он поспешил навстречу и поднялся вслед за ним на второй этаж.

— Ну, Шэнъань, лихо ты все уладил! — заговорил Сяотянь еще на лестнице. — Опять вчера с директором Чжаном гудели? Чего телефон-то полдня отключен был?

Измотанный Ли Шэнъань обессиленно опустился в рабочее кожаное кресло и тут же, словно ужаленный, подскочил на месте. Он почувствовал в паху такую дикую, режущую боль, что у него помутилось в глазах, и он мгновенно побледнел. Он едва сдержал рвущийся из горла крик. Видя, что к нему подходят Сяотянь и Гун Ли, Шэнъань судорожно стиснул зубы, сдерживая дрожь в коленях.

— Шэнъань, что с тобой? — встревожился Ян Сяотянь, заметив его мертвенную бледность и перекошенное лицо. — Тебе плохо?

— В-все... нормально, — сквозь зубы выдавил Ли Шэнъань.

Он сделал глубокий вдох, переживая острую вспышку боли, и лишь затем предельно аккуратно опустился обратно на самый край сиденья.

— Неужели вчера так сильно перебрал? Тебя до сих пор шатает. Сколько же этот Чжан Дэпин в тебя влил? — Сяотянь покачал головой и обернулся к двери: — Лили, принеси Шэнъаню горячего чая.

При упоминании алкоголя Шэнъаня передернуло от злости. Но не рассказывать же лучшему другу, что вчера его опоили какой-то дрянью и изнасиловали, а этот спасительный контракт — плата за его растоптанное достоинство? Пусть Сяотянь и остальные были ему ближе братьев, о подобных вещах лучше молчать до гробовой доски.

— Да уж, лишнего хватил, — глухо отозвался Ли Шэнъань, принимая из рук подошедшей Гун Ли чашку с чаем.

— Надо же, — усмехнулся Сяотянь. — Сколько тебя знаем — ни я, ни Хао-цзы, ни Фуян ни разу не видели тебя пьяным в стельку. Ну и силен же этот директор Чжан.

Шэнъань неопределенно хмыкнул и, оглядев кабинет, перевел тему:

— А где Хао-цзы и Фуян? Что-то их не видно.

— А, Хао-цзы вчера подцепил клиента, сегодня уехал подписывать бумаги. Он за этим заказчиком месяца два бегал, наконец-то дождался. А Фуян внизу, помогает ребятам в цеху.

— Вот и славно, — Шэнъянь отхлебнул обжигающий чай. — Как дела на линии?

— Утром позвонил Чжан Дэпин, подтвердил перевод. Как только бухгалтерия увидела аванс, мы сразу запустили станки. Объемы огромные, требования к качеству жесточайшие, так что попотеть придется всем.

— До Нового года успеем? — озабоченно спросил Ли Шэнъянь. — Люди ведь рассчитывают разъехаться по домам на праздники.

— Честно говоря, сомнительно, — вздохнул Сяотянь. — Чжан Дэпин вдобавок ко всему накинул еще двести тысяч единиц. Говорит, заказчику срочно понадобилась дополнительная партия из той же серии. Если возьмемся, придется впахивать без продыху в три смены. Более того, под этот проект уйдут вообще все наши мощности — до конца года о других заказах можно забыть.

— А как же новый контракт, который сейчас подписывает Хао-цзы? — вспомнил Шэнъянь.

— Там объем скромный, сроки терпят, закроем уже после праздников, — отмахнулся Сяотянь. — Текущие мелкие заказы мы добьем уже сегодня к вечеру. Так что, считай, руки у нас развязаны. Можем целиком сосредоточиться на «Динсинь». — В голосе Сяотяня прорезалось нескрываемое возбуждение.

— Отлично. Значит, с завтрашнего дня мобилизуем все силы на этот заказ.

— Я тут набросал примерный график сменности и технологическую карту. Надо четко следовать этапам, иначе сорвем сроки или пойдет брак. Глянь на досуге, а потом надо бы спуститься к рабочим, приободрить их. Ближайшие недели легкими не будут.

Шэнъянь кивнул и после недолгого молчания искренне произнес:

— Спасибо тебе, Сяотянь. Без тебя я бы точно не справился, да и фирмы бы никакой не было. С твоей светлой головой работать на меня — непозволительная растрата таланта. Обещаю, как только встанем на ноги, я помогу тебе устроиться в крупный холдинг, где ты сможешь развернуться по-настоящему.

— Шэнъянь, брось эти глупости, — отрезал Сяотянь. — Ты для меня сделал столько, что я до конца дней не расплачусь. Да и какие там таланты, обычный инженер. Зато здесь, с тобой, с Хао-цзы и Фуяном, я чувствую себя на своем месте. Создать свое дело, работать на себя — я об этом всю жизнь мечтал, а ты дал мне этот шанс. Тебе ведь сейчас тяжелее всех приходится: на

твоих плечах и руководство, и клиенты, и эти вечные долги. Глядя, как ты выбиваешься из сил, я только и думаю, чем еще могу помочь.

— Пойми, контракт с «Динсинь» — наш золотой билет. Закроем его без косяков, и компания выйдет на совершенно иной уровень. В следующем году сможем расширить производство, нанять сильных конструкторов, заняться собственными разработками и выйти на независимый рынок. Меня от одних этих мыслей в дрожь бросает! Так что забудь про свои разговоры о лучшей доле. Я никуда от вас не уйду, мы же братья.

Шэнъань прекрасно понимал его чувства. Они слишком долго шли к этой отправной точке, пробивая стены лбом. Как тут не поддаться азарту, когда на горизонте брезжит настоящий успех? В памяти живым эхом отозвались наставления отца, которые тот повторял ему с самого детства: «Ты должен выбиться в люди, сынок, построить что-то свое. Ты моя единственная опора». Ради этих слов он зубами грыз гранит науки, не жалел себя на износ, терпел неудачи, хотя порой хотелось все бросить и просто плыть по течению.

Но он выстоял. Превозмог все. Ли Шэнъань твердо решил стать тем, на кого можно положиться, — настоящим мужчиной, сильным и независимым. Это было его главным жизненным кредо: только созидательный труд и собственное дело определяют истинную цену мужчины. Что значат временные невзгоды и унижения? Пусть судьба бьет наотмашь — он стерпит. Главное, чтобы совесть оставалась чиста, а спина — прямой.

Он мысленно благодарил друзей, которые шли с ним плечом к плечу, не ропща на трудности и отдавая общему делу все свои силы.

Пока Шэнъань с Сяотянем выверяли графики, в кабинет вошел Чжан Фуян. Поприветствовав присутствующих, он неловко замялся, а затем обратился к Шэнъаню:

— Шэнъань, я знаю, что сейчас каждая минута на счету, но мне очень нужно отпроситься завтра на полдня.

— Да? — Шэнъань поднял на него взгляд. — Что-то стряслось?

— Да нет, радость у меня, — смущенно улыбнулся Фуян. — У жены завтра срок подходит. Рожать везут, места себе не нахожу.

— Ах ты голова садовая! — Шэнъань хлопнул себя по лбу. — Совсем замотался и забыл! Ты же у нас вот-вот отцом станешь! Какое «на полдня», дурная твоя башка? А если задержишься и роды пропустишь? Завтра вообще на работе не появляйся, сиди в роддоме и жди первенца.

С улыбкой поднявшись, Шэнъань достал бумажник, отсчитал две тысячи юаней и вложил их в руку опешившего друга:

— Держи. Купи жене чего-нибудь вкусного и полезного, пусть восстанавливает силы. А как малышу месяц исполнится — закатим пир на весь мир!

— Ну что ты, Шэнъань, не нужно... — замахал руками Фуян, пытаясь вернуть деньги. — Мне и так неловко, что бросаю вас в такой момент...

— Бери, не спорь, — прикрикнул без злости Шэнъань, силой впихивая купюры ему в карман. — Такое событие раз в жизни бывает. А племяннику я потом еще отдельный подарок сделаю. Кстати, кто у вас помогать-то будет? Жене ведь после родов уход нужен, один ты разорвешься.

— Мать из деревни на прошлой неделе приехала, — растроганно выговорил Фуян, прижимая руку к груди. — Спасибо тебе, Шэнъань. Вечно ты о нас печешься.

Шэнъань крепко сжал его плечо. С Чжан Фуяном они были знакомы дольше, чем со всеми остальными. Три года назад Фуян чудом вырвался из цепких лап финансовой пирамиды, где его обобрали до нитки, и оказался на улице без копейки в кармане. Судьба свела их в тот момент, когда сам Шэнъань переживал не лучшие времена. Он не прошел мимо чужой беды: приютил несчастного у себя, помог зацепиться за работу. Долгое время они делили одну крышу, делились последним куском хлеба и со временем стали самыми близкими, преданными друзьями.

Пусть Фуян не хватал звезд с неба в учебе, зато парень был хваткий, честный, за словом в карман не лез и впитывал новые знания как губка. Шэнъань разглядел в нем этот стержень. Стоило открыть фирму, как Фуян без колебаний пошел к нему простым закупщиком и продавщиком — и пахал так, что объемы росли на глазах. В начале года он женился на простой скромной девушке-землячке, приехавшей в город на заработки, а теперь вот — дело сделано, готовится примерить роль отца.

— Ладно тебе сопли разводить, — рассмеялся Шэнъань. — Мы тут от зависти лопаемся, правда, Сяотянь?

— Еще бы! — поддакнул тот, и кабинет огласился дружным хохотом.

Разобравшись с делами, Шэнъань заехал на рынок за свежими овощами и мясом. Дома он сам встал у плиты, чтобы приготовить праздничный ужин — долг за проигранную накануне партию в шахматы нужно было отдавать. За столом отец, Ли Жэньпу, то и дело порывался плеснуть себе в стопку домашней настойки, но сын твердо пресекал любые попытки потянуться к бутылке. Видеть разочарование в глазах старика было больно, однако предписание врачей оставалось законом.

Отец всю жизнь пил как проклятый и дымил как паровоз. Годы потакания пагубным привычкам превратили его организм в развалину: изъеденный язвой желудок, хрипящие легкие, скачущее давление, шалющее сердце и застарелый, выкручивающий суставы ревматизм. Ли Жэньпу напоминал ветхий дом, который мог рухнуть от любого сквозняка.

В памяти Шэнъяня до сих пор стояла картина: отец, по пояс в ледяной воде прибрежного пруда, копает лотосовые корни — и зимой, и летом. Или как он, запершись в пустой комнате, до хрипа затягивается дешевым табаком, прячась от одиночества. Как срывается на крик, а потом молча глушит горькую водку из граненого стакана. Жизнь никогда не баловала старика. Мать ушла из жизни, когда Шэнъяню едва исполнилось четыре года. Отец в одиночку тянул сына, отказывая себе во всем, чтобы дать ему образование. Он буквально выжимал себя до капли ради его учебы в университете. И каков итог? Шэнъянь не оправдал его надежд — бросил учебу, стал простым чернорабочим на чужбине. Если бы не та отчаянная клятва, которую сын дал перед уходом из дома — пообещав вернуться либо победителем, либо не возвращаться вовсе, — отец, наверное, давно бы угас от тоски.

В прошлом году, когда дела фирмы потихоньку пошли в гору, отец женился во второй раз — на разведенной женщине с дочерью. У Шэнъяня тогда словно гора с плеч свалилась. Мачеха оказалась доброй и заботливой душой, она искренне любила старика, окружив его тем теплом, которого тот был лишен долгие годы. Казалось бы, живи да радуйся. Но в начале года ревматизм отца обострился с новой силой, потянув за собой целый букет скрытых болячек. Старик слег и таял на глазах. Шэнъянь, не раздумывая, перевез его к себе в Шэньчжэнь, поближе к хорошим клиникам. За год усиленного лечения и санаторного ухода отец окреп, суставы почти перестали ныть, но врачи вынесли жесткий вердикт: алкоголь и сигареты теперь под строжайшим запретом.

Как бы ни было жаль отца, исходившего слюной по заветной стопке, Шэнъянь оставался непреклонен. Этот ворчливый старик был его единственным близким человеком на всем белом свете. Он еще не успел пожить в достатке, не разделил с сыном триумф победы, не погрелся в лучах его успеха. Он просто не имел права уйти так рано. Ли Шэнъянь любил его всем сердцем и не мог помыслить жизни без него. Мысль о потере отца леденила душу — этот удар он бы точно не перенес.

Уложив отца спать, Шэнъянь прибрался на кухне, принял душ и без сил повалился на кровать.

Сон не шел. Он долго ворочался с боку на бок, вглядываясь в темноту, пока наконец не зажег ночник. Протянув руку к тумбочке, Шэнъянь достал потрепанный старый альбом. Обложка тихо скрипнула, и с пожелтевшей глянцевой страницы на него вновь взглянуло такое родное, живое лицо...